

Анджей Иконников-Галицкий

ПРАВЕДНИКИ/ГРЕШНИКИ РУССКОЙ СМУТЫ

САМОУБИЙСТВО ИМПЕРИИ

террористы/министры

Русская смута

Анджей Иконников-Галицкий

**Праведники / грешники русской
смуты. Книга 1. Самоубийство
империи: Террористы / министры**

«Феникс»

2025

УДК 94(47)"654"
ББК 63.3(2)53

Иконников-Галицкий А. А.

Праведники / грешники русской смуты. Книга 1. Самоубийство империи: Террористы / министры / А. А. Иконников-Галицкий — «Феникс», 2025 — (Русская смута)

ISBN 978-5-222-47737-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Книга Анджея Иконникова-Галицкого посвящена ключевым событиям русской истории, которые сделали революцию неизбежной и непосредственно ей предшествовали. Избегая упрощенных объяснений, автор разоблачает многие исторические мифы, связанные с террористами-народовольцами, заговорами в высших правительственных кругах, Русско-японской войной, убийством Распутина и институтом провокаторства. Широкий документальный материал раскрывает историю не как абстрактную борьбу идей или набор фактов, а как живой мир, в котором действуют люди — со своими слабостями, страстями, корыстными интересами и амбициями, приводящими к неожиданным последствиям.

УДК 94(47)"654"

ББК 63.3(2)53

ISBN 978-5-222-47737-3

© Иконников-Галицкий А. А., 2025

© Феникс, 2025

Содержание

Пролог	7
Часть первая	9
Тяжелый пистолет Дмитрия Каракозова	10
Загадочная смерть литератора Ножина	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анджей Иконников-Галицкий
Праведники/грешники русской смуты
Книга первая
Самоубийство империи.
Террористы/министры

*Посвящается моей бабушке, моему деду,
моей крестной, их родным и двоюродным
братьям и сестрам и всем, пережившим
великую русскую смуту.*

© Иконников-Галицкий А. А., 2025

© ООО «Феникс», оформление, 2025

Пролог Выходящий из бездны

Пятое февраля 1880 года, Зимний дворец

Столяр Батышков выходит
из бездны – из мастерской.
Измеренный путь проходит,
красивый и молодой.
Шаги отдаются хохотом
под сводами галерей,
по сумрачным переходам,
в отверстых ушах дверей.
Он напевает песенку.
Движенья его легки.
Из темных зрачков выплескиваются
тревожные огоньки.
Столяр Батышков прощается
с фельдфебелем у ворот
и в точку сокращается:
в февральскую мглу идет,
и медленно превращается
в развеянный снежный дым.
Под глыбой Главного штаба
тают его следы.
А в переплетении арок,
в безмолвном нутре дворца
оставленный им подарок
свершает отсчет с конца.
Невидимо смерть разлита
В считалке, в каждой строке.
Полцентнера динамита
Уложены в сундуке.
Обруч из гибкой меди
пространство перечеркнул.
И медленно,
медленно,
медленно
тлеет бикфордов шнур.
А где-то выше, и где-то
рукой подать – так близки —
постукивают по паркету
царские каблуки.
Шаги отдаются говором
под сводами галерей,
по залам и коридорам,
в оглохших ушах дверей.

Библиотека, лестница,
коридор, поворот.
Секундами перелистывается
считалка наоборот.
Вдох-выдох – шесть, пять, четыре.
Зуб на зуб – три, два, один.
Тени и часовые
вытягиваются позади.
Царь спешит, задыхается.
(Сердце зверьком в руке.)
Перчаткой, томясь, касается
крестика на сюртуке...
В столовой звенит посуда,
лакеями ставима бережно.
Шнур тлеет.
Еще секунда.
Три четверти.
Четверть.
Бездна.

Из следственных дел: справка

В 6 часов 22 минуты пополудни 5 февраля 1880 года в Зимнем дворце произошел большой силы взрыв, в результате которого погибли одиннадцать нижних чинов дворцового караула и ранены более пятидесяти человек. Источник разрушительного действия находился в подвале под караульным помещением, над которым, в свою очередь, расположена одна из столовых комнат жилой половины Его Величества. Происшествие имело место быть в тот час, когда государь император Александр Николаевич располагал обедать со своим шурином, его высочеством принцем Александром Гессенским. Однако его высочество опоздал, начало обеда было отсрочено, благодаря чему августейшие особы не пострадали. В ходе расследования обнаружилось, что из дворца пропал некто Батышков, столяр, три месяца назад принятый на работу в дворцовую мебельную мастерскую.

Позднее было также установлено, что в подготовке злодейского покушения участвовали члены противоправительственной организации, известной под названием «Народная воля».

Еще несколько лет спустя, после гибели Александра II и разгрома «Народной воли», выяснилось, что под именем Батышкова в Зимнем дворце работал народоволец Степан Халтурин. Он пронес в императорскую резиденцию динамит (по разным данным от тридцати до шестидесяти килограммов), смонтировал взрывное устройство, в нужный момент поджег запальный шнур, сам же беспрепятственно скрылся.

Часть первая

Перед вратами ада

Революция – совокупность разрушительных действий множества людей. Революция – всегда вдохновенна. Одушевленные великой мечтой, озаренные сиянием грядущего счастья, люди соединяются в массы и идут, увлекая одних, топча других, сметая все препятствия... куда? Никуда. Туда же, откуда пришли: в погибель. На месте великого и страшного движения остаются кровавые тряпки, битое стекло, развороченные мостовые. Потом сквозь это прорастает трава. Потом следы разрушений притаптываются, и новые подметки с дореволюционной деловитостью шаркают по той же земле.

В промежутке между началом и концом – судьбы людей.

Вот те, кто идут в первых рядах революционного потока. Они раньше всех приняли в себя одушевляющий огонь дьявольской мечты о скором и всеобщем счастье. Они много потрудились, чтобы передать другим сжигающее их пламя. Тут есть разные лица: прекрасные и невзрачные, благородные и простецкие, мужские и женские, молодые и постарше. Но в глазах одно общее выражение: жертвенность. Неустрашимые борцы за то, что считают правдой, они скоро станут жертвами общечеловеческой лжи. «За лучший мир, за святую свободу...»

Откуда они? Кто они?

Посмотрим.

Тяжелый пистолет Дмитрия Каракозова

Этот выстрел рассек надвое русскую историю. Днем весенним и солнечным, в понедельник четвертого апреля 1866 года, примерно через четыре часа после удара Петропавловской пушки, Россия вступила в эпоху политического терроризма. Открыть новую эру суждено было высокому, светловолосому, хмуро-молчаливому молодому человеку с продолговатым лошадиным лицом, низким голосом и тяжелым взглядом – Дмитрию Каракозову. Пуля, приготовленная им для императора Александра II, не достигла цели; вернее сказать, поразила совсем иную цель: самосознание нации и будущее страны. Именно она, тысячекратным рикошетом отразившись от блеклых невских небес, принесла смерть Сипягину и Столыпину, Володарскому и Урицкому, Николаю II, Мирбаху, Кирову, бесчисленным жертвам Гражданской войны и сталинских репрессий... Тут не могло обойтись без самого дьявола, а он большой мастер запутывать следы. Вокруг дела Каракозова до сих пор клубится облако недоговоренностей, загадок и тайн.

Высокий блондин в черном пальто

18 августа 1866 года. Петропавловская крепость, дом коменданта. Тот самый зал, в котором сорок лет назад судили декабристов. Заседание Верховного уголовного суда по делу Дмитрия Каракозова, Ивана Худякова, Николая Ишутина и других (всего 11 имен). Председатель суда – князь П. П. Гагарин; члены суда: принц П. Г. Ольденбургский, действительные тайные советники В. Н. Панин, А. Д. Башуцкий, М. М. Карниолин-Пинский, адмирал Н. Ф. Метлин. Секретарь суда – действительный статский советник Я. Г. Есипович. В качестве прокурора выступает министр юстиции Д. Н. Замятнин. Вводят главного обвиняемого.

- Ваше имя, фамилия?
- Дмитрий Владимирович Каракозов.
- Ваше вероисповедание?
- Православное.
- Ваше звание?
- Дворянин.

Секретарь дает справку: фамилия Каракозовых в герольдии не утверждена и в дворянские книги не записана.

Зачитывается обвинительный акт:

«4 апреля 1866 года, около 4 часов пополудни, когда Государь Император, по окончании прогулки в Летнем саду, выйдя на набережную Невы, приблизился к своему экипажу, неизвестный человек, стоявший в толпе народа, собравшейся у ворот сада, выстрелил в священную особу Его Императорского Величества. Провидению угодно было сохранить драгоценную для России жизнь возлюбленного монарха. <...> Сделавший выстрел побежал вдоль Невы по направлению к Прачешному мосту, но был задержан городовым унтер-офицером дворцовой команды Степаном Заболотинным (бляха № 66), который вырвал у него двухствольный пистолет, другой курок которого был взведен, и унтер-офицером жандармского эскадрона Лукьяном Слесарчуком, и доставлен в III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии».

Косноязычие полицейского документа корректируется показаниями свидетелей. В тот день, вскоре после полудня, к городовому Артамону Лаксину, дежурившему возле боковой калитки сада, подошел молодой человек и попросил пропустить его. Лаксин перед тем получил указание калитку никому не отворять: государь приедет гулять по обыкновению в Летнем саду, нехорошо будет, если его побеспокоит какой-нибудь челобитчик, из тех, что вечно докучают

самодержцу прошениями. Молодому человеку Лаксин дал от ворот поворот, но его внешность и манеры вызвали смутную тревогу. Одет мастеровым: пальто дешевое и картуз; а по речи – вроде из образованных. Руки белые, не рабочие. Настойчив. Явно чем-то взволнован. Получив отказ, не ушел, а принялся слоняться поближе к главному входу.

Там, у ворот, обычно в это время собиралась толпа. Всякому охота посмотреть на царя, прогуливающегося под липами и кленами сада. Городовой хотел дать знать о подозрительном незнакомце, но поблизости никого из начальства не оказалось, а поднимать шум и свистеть, когда с минуты на минуту государь может подъехать, дисциплинированный Артамон не решился.

Вот показался царский экипаж. Государь в сопровождении нескольких господ в мундирах вышел из кареты. Верноподданные зеваки скинули шапки. Слегка кивая красивой головой на обе стороны, государь прошествовал под еще не сформировавшуюся сень черных деревьев. Все происходило обычным порядком. Сделав несколько кругов по влажным аллеям, улыбнувшись весеннему солнцу, император двинулся к выходу, сопровождавшие его военные – за ним. Когда эта маленькая группа выходила из сада, толпа, долго и терпеливо ждавшая у ворот, инстинктивно надвинулась; из нее вдруг выскочил высокий молодой человек, тот самый, в черном пальто, сделал движение рукой... Раздался громкий хлопок... Закричали... Царь резко обернулся, его благообразное лицо исказилось мгновенным страхом. Молодой человек, оттолкнув кого-то, бросился бежать по набережной. Запутался в полах пальто. Настигли, повалили, принялись колошматить. Полицейским пришлось сделать несколько выстрелов в воздух, чтобы остановить самосуд.

Подняли, подвели к царю. Тот стоял возле экипажа. Уже овладел собой, но лицо было бледно. Впоследствии нашлись очевидцы, якобы слышавшие диалог царя и несостоявшегося царевича:

- Ты поляк?
- Нет, чистый русский.
- Почему же ты стрелял в меня?
- Потому что ты обманул народ – обещал землю, да не дал.

Этот разговор, конечно же, стопроцентная легенда. Что было сказано на самом деле, и было ли – никто достоверно не знает. Царь сел в экипаж и уехал, приказав генерал-адъютанту Тотлебену доставить злоумышленника в Третье отделение. Еще не затих стук колес царской кареты, а уже родилась новая легенда: царя, мол, спас от неминуемой смерти человек из толпы. «Отцовство» этой легенды приписывали Тотлебену. Якобы он успел заметить, что стрелявшего толкнул под локоть бедно одетый человек лет двадцати пяти – Осип Комиссаров, крестьянин Костромской губернии, Буйского уезда, Молвитинской волости, села Молвитина. Много позже участник следствия А. А. Черевин (тогда – жандармский офицер, в будущем – последний начальник Третьего отделения перед его ликвидацией) писал не без иронии: «Нахожу весьма политичным изобрести подобный подвиг; это простительная выдумка, и даже полезно действует на массы». Комиссаров – уроженец тех же самых мест, что и Иван Сусанин. Грешно было бы не сделать из него спасителя священной особы возлюбленного монарха.

«Пересол верноподданнических заявлений»

Злоумышленник был доставлен в Третье отделение, расположенное неподалеку, на Фонтанке, у Пантелеймоновского моста. На расспросы об имени-звании вначале отвечать отказался, потом назвался Алексеем Петровым, крестьянином. При личном досмотре, как явствует из обвинительного акта, у арестованного были отобраны «1) фунт пороха и пять пуль; 2) стеклянный пузырек с синильной кислотой, порошок в два грана стрихнина и восемь порошков морфия <...>; 3) две прокламации «Друзьям рабочим» <...>; 4) письмо к неизвестному Нико-

лаю Андреевичу; 5) маленький лоскуток бумаги с несколькими написанными карандашом словами, из которых можно было разобрать только одно – Кобылин». Наличие сильнодействующих ядов свидетельствует о намерении злоумышленника совершить самоубийство. Прокламация, написанная четким, красивым почерком на двух сторонах листа, простая и ясная:

«Братцы, долго меня мучила мысль, которая не давала мне покоя. Отчего любимый мною простой народ русский, которым держится вся Россия, так бедствует?» (Вопрос, что называется, на засыпку; сейчас, через 140 лет, он не вполне утратил актуальность.) «Отчего рядом с нашим вечным тружеником, простым народом: крестьянами, фабричными и заводскими рабочими и другими ремесленниками живут в роскошных домах, дворцах люди, ничего не делающие, туеядцы: дворяне, чиновничья орда и другие богатеи, и живут они на счет простого народа, чужими руками жар загребают, сосут кровь мужицкую». Кто же виноват? Ответ берется понятно откуда. «Захотел я узнать, что умные люди насчет этого думают. Стал читать книги, много книг перечитал о том, как люди жили в прежние времена. И что же, братцы, я узнал? Что цари-то и есть настоящие виновники всех наших бед». Надо царя убить, и рай наступит. И тогда «русский народ сумеет управиться... сам собою. Будет у всех достаток, так не будет и зависти... все будут равны, и заживет радостно и честно русский рабочий народ».

Мотивы покушения следователям стали ясны: социализм. Тут вспомнили: несколько дней назад бдительные петербуржцы доставили в Третье отделение несколько таких же листов, исписанных тем же аккуратным почерком. Арестованный не отпирался: экземпляров прокламации он изготовил около сотни.

А за стенами здания на Фонтанке уже поднималась волна неслыханного общенационального шума. За царя молились в церквях; на вечерних представлениях в театрах публика вместе с актерами пела «Боже, царя храни!» Молебны и пение гимна повторились на следующий день, через день, еще через день... пятого апреля все газеты опубликовали первые письма, восславляющие Провидение за чудесное спасение царя-освободителя. Шестого апреля газетные столбцы состояли в основном из этих приветственных воплей, несущихся из всех углов необъятной России; следующую неделю и потом следующую поток их не иссякал. О свершившемся чуде говорили всюду: на светских приемах, в школах, в университетах и в кабаках. Верноподданническая радость объединила богатеев и бедняков, аристократов и прощелыг, ученых и неучей в одном экстагическом порыве любви к государю. Немалая часть этой любви была перенесена на Осипа Комиссарова. Государь пожаловал ему права дворянства; петербургские дворяне по подписке купили ему имение где-то там, в Буйском уезде. Университетские профессора скинулись на создание школы его имени в селе Молвитине. В петербургском светском обществе Осип Иванович Комиссаров-Костромской стал модной персоной, его зазывали на рауты, его чествовали на обедах, перед ним вставляли в театре...

Министр внутренних дел П. А. Валуев (чья отставка с этого поста была не за горами, но он об этом еще не знал) записал в дневнике: «Пересол разных верноподданнических заявлений становится утомительным. Местные власти их нерассудительно возбуждают канцелярскими приемами». О Комиссарове Валуев отзывался скептически: «Не доказано при следствии, чтобы он отвел руку или пистолет убийцы». Тотлебен, по мнению министра, «первый пустил в ход эту повесть, и, вероятно, действовал под влиянием мгновенных впечатлений и на основании непроверенных сведений».

Скороспелому любимцу общества Осипу Комиссарову, надо сказать, все это ничего хорошего не сулило. Через полгода интерес к его незначительной персоне поубавился, в свете толковали уже о другом: о манерах невесты наследника престола датской принцессы Дагмар, о новых любовных увлечениях немолодого уже государя... Комиссарова встречали дежурными кисло-сладкими улыбками, как знаменитого тенора, лишившегося голоса. Потом заметили: земляк Сусанина стал сильно пить, буянить. Его сплавляли куда-то на службу в провинцию, офицером в полк. Отношения с товарищами по службе не сложились, в семье тоже не ладилось:

в пьяном виде однажды стрелял в жену, едва не убил. Вынужден был уйти в отставку, поселился в своем имении, жил там в полном забвении, пока не повесился в припадке белой горячки... Такова, во всяком случае, общепринятая версия его гибели. Это все случилось много лет спустя.

Уверение Фомы

Нам, привыкшим ко всяким преступлениям и не знающим запретов ни на что, трудно (да и невозможно) понять то колоссальное впечатление, которое произвел на русское общество выстрел четвертого апреля. Не то чтобы к личности царя относились как к святыне: еще в XVII веке приказные избы были завалены делами о непристойных ругательствах в адрес помазанника Божия. Не то чтобы царей в России никогда не убивали: три законных государя – Петр Федорович, Иван Антонович и Павел Петрович – приняли насильственную смерть всего за сорок лет, с 1762 по 1801 год. Но тут был один мотив: убиенные правители являлись, с точки зрения их убийц, да и большей части общества, царями по тем или иным причинам «ненастоящими», неправильными, а потому опасными для самой монархии. В отношении Александра Николаевича никто ничего подобного не мог помыслить. Уж если кто и был царем по всем правилам, так это он, первый за полтора столетия законно унаследовавший престол и законно царствующий монарх, освободитель крестьян. А на царя милостию Божией еще никто никогда в России руки не подымал. Это было все равно, что пытаться взорвать Солнце.

Пятого апреля распоряжением государя дело о покушении было передано Следственной комиссии, учрежденной четыре года назад для расследования особо опасных государственных преступлений. Восьмого апреля председателем ее вместо старика П. П. Ланского был назначен жесткий, умный и в меру циничный граф М. Н. Муравьев («вешатель», как прозвали его недруги после подавления польского восстания 1862–1863 годов). Арестант был переведен из камеры Третьего отделения в сверхсекретный Алексеевский равелин Петропавловки. Муравьев лично участвовал в проведении допросов. А допросы велись непрерывно. Арестанта хоть и не пытали, но не давали спать, держали на хлебе и воде. Добиться результатов удалось не сразу.

Прежде всего – установить личность. Помогли найденные при нем предметы. Откуда стрихнин и морфий? Стали искать, и вышли на ординатора Второго военно-сухопутного госпиталя доктора Кобылина, чье имя было нацарапано на бумажке, завалявшейся в кармане преступника. В арестанте перепуганный Кобылин опознал своего знакомого, прозывавшегося Дмитрием Владимировым. Владимиров недавно приехал из Москвы, по каким-то причинам не имел паспорта; Кобылин приютил его и помог устроиться в гостиницу. В какую? В «Знаменскую», возле Николаевского вокзала. За несколько дней до покушения Владимиров зашел к Кобылину и, жалуясь на сильные боли, попросил выписать морфия и почему-то стрихнина. Что Кобылин и сделал.

Прислуга из «Знаменской» подтвердила: да, это жилец номера 65-го, вот уж несколько дней как пропавший. Сделали обыск в комнате – нашли письма. По ним установили некоторых московских знакомых арестанта. Их задержали, допросили. И выяснили настоящее имя преступника.

Дмитрий Владимирович Каракозов. Родился в 1840 году в селе Жмакино Сердобского уезда Саратовской губернии. Отец – мелкий служащий с сомнительным дворянством, мать – мещанка, урожденная Ишутина (эта фамилия скоро замелькает на страницах следственного дела). Оба родителя, к счастью, умерли, позора и горького сожаления о сыне-цареубийце не испытали. Дмитрий окончил Пензенскую гимназию, в 1861 году поступил в Казанский университет на юридический факультет, через два месяца был оттуда исключен за участие в студенческих беспорядках, некоторое время работал письмоводителем у мирового посредника,

в 1863 году вновь принят в Казанский университет, но через год перебрался в Московский. Там вошел в кружок студентов, возглавляемый его двоюродным братом Николаем Ишутиным (неотправленное письмо, отобранное при аресте, адресовано именно ему). Со многими членами кружка Каракозов был знаком по Пензенской гимназии. (Заметим в скобках: учителем в этой гимназии был Илья Николаевич Ульянов... Но следствию эта фамилия, за четыре года до рождения в семье Ульяновых сына Володи, ничего, естественно, не говорила.)

Кружком Ишутина занялись особо. Надо признать: следствие хорошо поработало. Десятки свидетелей допрошены, многие арестованы. Ишутинцы стали давать показания. Особенно усердствовали двое: Игнатий Корево и Осип Мотков. Выяснилось, что у Ишутина и Каракозова был в Питере приятель, молодой, но начинавший приобретать известность литератор «прогрессивного» направления, Иван Худяков. Не так давно Худяков ездил за границу, где установил контакты с русскими эмигрантами и тамошними социалистами. После его возвращения деятельность кружка, дотоле ограничивавшаяся разговорами на вольные темы да наивными попытками создания коммун в духе «сна Веры Павловны», потекла в ином направлении. Появляется тайная организация с пугающим названием «Ад». Даже что-то вроде программы оказалось, правда, очень невнятное: «Создавать кружки...», «намекать, что существует что-то такое...», «располагать жизнью каждого из членов в случае измены или намерения изменить». Цель: «Низвергнуть существующий порядок вещей и установить социальную республику».

Ситуация прояснялась. В кругу Ишутина и Худякова вынашивались революционные планы, возможно, связанные с «Европейским революционным комитетом» (то, что этот комитет – миф, вымысел Худякова – не знали тогда ни арестанты, ни следователи). Под влиянием нигилистических идей Ишутина и Худякова впечатлительный и не совсем здоровый Каракозов проникся намерением осуществить цареубийство. В начале Великого поста, в феврале 1866 года, он, втайне от товарищей, отбыл в Петербург. Купил пистолет. На протяжении всего поста писал прокламации и готовился к решительному деянию. Напряжение росло, Каракозов находился на грани нервной горячки. Это болезненное состояние заметил добрый доктор Кобылин и прописал пациенту лекарства (несколько странные, правда...). Настала Пасха, прошла Светлая седмица. Третьего апреля – неделя уверения Фомы: «Аще не вижу на руку его язвы гвоздинные и вложу перста моего в язвы гвоздинные, и вложу руку мою в ребра его, не иму веры». Каракозов решился.

Туман загадок

К середине июля расследование было закончено. Суд совершился с 18 по 24 августа. 31 августа оглашен приговор отдельно Каракозову: смерть через повешение. (Спешили, чтобы успеть сделать самое неприятное до приезда в Петербург датской принцессы, невесты наследника престола.) Первого сентября Каракозов написал прошение о помиловании: «Преступление мое выше всякой меры, оно так ужасно, что я, Государь, не смею и думать о малейшем хотя бы смягчении заслуженного мной наказания. Но клянусь, Государь, в последние минуты, что если бы не ужасное болезненное состояние, в котором я находился со времени моей тяжелой нервной болезни... я не совершил бы этого ужасного преступления. А теперь, Государь, прошу у Вас прощения как христианин у христианина и как человек у человека». На прошении сверху Александр II карандашом начертил: «Лично я в душе давно простил ему, но как представитель верховной власти, я не считаю себя вправе прощать подобных преступников». Каракозов был повешен третьего сентября на Смоленском поле. Казалось бы, все.

Не все. В деле Каракозова и вокруг него витает множество загадок, странных и зловещих, почти мистических. Даже номер бляхи городского – 66, почти число Зверя. Или вот судьбы участников. Любопытно: из них раньше всех мир сей покинул... председатель Следственной

комиссии Муравьев! Умер 29 августа 1866 года. Современники мрачно шутили: как, мол, следователь встретит своего подследственного там, в раю... Или в аду? (Из «Ада» земного в ад вечный...) Замятнину и Валуеву повезло больше: они просто распрощались с министерскими постами. О трагической судьбе Комиссарова мы уже говорили. Финал Ишутина и Худякова оказался еще мрачнее: оба они лишились рассудка и умерли в тяжком безумии в тюремных больницах. Главный источник информации для следствия, Осип Мотков, не прожил после суда и года. Приговоренный к четырем годам каторги, он бежал из Нижнеудинского острога, был пойман и умер в июле 1867 года в иркутской тюрьме от туберкулеза в возрасте 20 лет.

От людских судеб, коими управляет Провидение, обратимся к вещественным доказательствам: ими потусторонние силы редко интересуются. Удивление вызывают аксессуары покушения. Неиспользованный яд, неудобное и даже нелепое оружие – тяжелый двустольный пистолет... Однако самая главная странность заключена в том самом неотправленном письме, обнаруженном в кармане Каракозова. Для непосвященного этот текст – тайнопись. «Дорогой друг! Свинья, брат, ты, Николай Андреевич, не сумел поставить вопрос прямо», и далее, о некоем документе: «Ты ведь очень хорошо понимал, как мне нужна эта вещь для того, чтобы выгодней обставить дело, и время потрачено на совершенно ненужную поездку, которая не принесла результата... Знакомые мои, о которых я тебе говорил, предполагают начать дело очень скоро – но это дело не наше... Ты понимаешь, что если произойдет такой афронт, то ведь один черт на дьяволе, и К. может тем или другим способом обеспечить себе спокойное и безмятежное существование». Далее идет вовсе непонятная речь о каких-то акциях, кредитных обществах и дивидендах.

Разумеется, следствие не могло не заинтересоваться содержанием письма. Автор согласился дать пояснения только четвертого мая, после очной ставки с адресатом – Ишутиним, когда таить его имя уже не имело смысла. Согласно этим пояснениям, под литерой К. в письме скрыт брат государя, великий князь Константин Николаевич. Более того, существуют силы, желающие возведения его на престол. «Когда я писал Ишутину и высказывался о существовании Константиновской партии, то точно также говорил ему о моем желании сблизиться с этой партией и действовать таким образом, чтобы партия эта видела во мне представителя от московского студенческого общества», – поясняет Каракозов следователям. Эти сведения подтверждаются показаниями Корево: «Ишутин говорил, что легко может быть, что Каракозов подкуплен партией великого князя Константина, потому что, как он прибавлял, Каракозов говорил, будто он сошелся с некоторыми из членов этой партии».

Разумеется, ни версия о связи всенародно проклятого «нигилиста» с партией великого князя, ни даже намеки на существование такой партии не могли прозвучать публично. Следствие в этом направлении было практически свернуто, или, во всяком случае, строго засекречено. Если кто-то об этом получал информацию, то разве что граф Муравьев... И тут – эта его несвоевременная смерть... Нет, мы ничего не утверждаем. Во всяком случае, сам факт наличия у Каракозова планов вступления в контакт с действительными или мнимыми сторонниками «царя Константина» резко меняет хрестоматийные представления о «пламенном революционере», превращая его в агента дворцового заговора. Надо сказать, что состав ишутинского кружка тоже как-то больше соответствует идее заговора «в верхах». В нем, как в масонской ложе, преобладают молодые дворяне из хороших семей. Аристократ князь Оболенский, богатые дворяне Юрасов и Ермолов, гусарский офицер Спиридов... Все они могли быть приняты в самом высоком петербургском обществе.

На этом странности не заканчиваются. Почему письмо оказалось в кармане Каракозова в день покушения? Ведь ясно, что оно попадет в руки властей и в случае задержания, и в случае гибели его автора. Человек идет на царевубийство – и кладет в карман конспиративный документ, содержание которого не может не заинтересовать следствие... Почему вообще письмо

не было отправлено? Да и интонация его – спокойная, даже ироническая – не вяжется с ситуацией покушения...

Загадки, загадки... И вот еще: аккурат накануне каракозовского выстрела в Мариинской больнице скончался Николай Ножин, приятель многих фигурантов дела четвертого апреля. Обстоятельства его смерти до того заинтересовали Следственную комиссию, что начато было отдельное расследование. И оно дало любопытные результаты.

Загадочная смерть литератора Ножина

Этот человек идеально подходил для роли героя своего времени. И по возрасту – молод, почти что юн. И по внешности – сер, невзрачен, худ. И по характеру – целеустремлен, беспощаден. И по своим резким, радикальным, как тогда говорили, нигилистическим взглядам, и по несомненной, хотя и непроявленной талантливости. Базаров, Рахметов, Раскольников, Ставрогин в одном лице. Он и умер – по официальной версии – от тифа, как Базаров. По мнению же некоторых, покончил с собой, как Ставрогин. А может, был отравлен? Вот, правда, такой исход не значился в описаниях судеб героев. Он умер, и от него осталось несколько статей в захудалом журнальчике, да незаконченное ученое исследование про каких-то морских чудищ. Впрочем, нет: осталась еще история болезни и смерти, странным образом вплетенная в апокалиптический узор нарождающейся русской революции.

«Вскрытие может быть интересным»

«Петр Лаврович. Передайте, пожалуйста, Курочкину (адрес которого мне неизвестен), что Ножин умер сегодня утром, в восемь с половиной часов. В момент смерти я его не застал, но пришел по окончании агонии. Курочкин, может быть, знает его родных, или его знакомые захотят его если не похоронить, то быть, по крайней мере, на казенных похоронах. Если не будет до завтра особенных препятствий, то я вскрыю его, тем более что вскрытие может быть интересным».

Автор этого несколько необычного письма – П. Ф. Конради, врач, а в недалеком будущем – редактор либеральной газеты «Неделя». Адресат – П. Л. Лавров, идеолог революционного народничества, духовный отец поколения молодых безумцев, которых обыватели и власти именовали «нигилистами». Дата: 3 апреля 1866 года. Когда Конради писал эти строки, наверняка где-то рядом тикали часы. Доктор не знал, что отсчитывают они мгновения, оставшиеся до рокового события у ворот Летнего сада. Приехавший из Москвы в Петербург студент Каракозов уже купил пистолет, из которого завтра будет стрелять в императора Александра II. Это случится примерно через 25–30 часов. Мы не знаем, удалось ли доктору Конради провести «интересное вскрытие». Грохот выстрела четвертого апреля заглушил все иные шумы, нарушил планы, спутал многие исторические пасьянсы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.